

Оригинальная статья

УДК 316.35

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-1-1-3

Гузельбаева Г. Я.

Отношение молодых людей к религиозным организациям, духовным лидерам и цифровизации религиозной сферы на фоне постпандемии

Казанский федеральный университет
ул. Кремлевская, д. 18, Казань, 420008, Россия;
Казанский государственный медицинский университет
ул. Бутлерова, д. 39, Казань, 420012, Россия
Guzel.Guzelbaeva@kpfu.ru

Аннотация. Состояние тревоги, связанное с пандемией и постпандемией, привело определенное количество людей к обращению к традиционным духовным устоям и к религии. Кризисное время 2020–2021 гг. вызвало серьезные изменения, затронувшие религиозные институты. Одним из заметных сдвигов в религиозной жизни последних нескольких лет стала цифровизация и медиатизация. Молодые люди по-своему реагируют на новые явления и процессы в религиозной сфере, высказывая различные оценки и ожидания. Данная статья посвящена анализу отношения молодежи к роли религиозных организаций в ситуации пандемии и после нее, уровня доверия религиозным организациям и ее представителям, ожидания от духовных лиц, отношения к процессам цифровизации и медиатизации религиозной жизни. Статья основана на данных социологического исследования, выполненного в количественной и качественной стратегиях: массовый опрос по полуформализованной анкете в январе 2021 г. среди студентов 15 вузов г. Москвы и г. Казани (N=456 чел.), и пять фокус-групп среди молодых людей без высшего образования в октябре 2023 г. в г. Казани и г. Саратове. Возраст участников – от 17 до 24 лет. Религиозные организации вызывают разнообразные оценки, от положительных (в основном среди верующих молодых людей) до неодобрительных (среди неверующих). Молодежь, особенно атеисты, критически относится к открытому взаимодействию религиозных структур с политическими институтами и к вмешательству церкви в разные стороны жизни светского общества. Отчасти молодежь транслирует привычную критику религии, популярную в наше время. Часть негативных оценок связана с недостатком информации, например, о реальной активности религиозных структур и отдельных духовных лиц в деле помощи людям, оказавшимся в уязвимой позиции во время пандемии коронавируса. Почти незамеченными оказались многочисленные примеры социального служения представителей конфессий, выраженные в виде духовной, психологической и материальной поддержки. Популярность тех пастырей, кто использует в своей работе виртуальное пространство, свидетельствует о живой потребности молодежи получать информацию о религии. При этом молодые люди доверяют именно неформальному общению, лишённому учающего тона. Это в очередной раз свидетельствует о разрыве коммуникации между традиционными религиозными институтами и молодым поколением, у

которого есть свои обоснованные претензии к представителям конфессий, но которые при этом готовы к взаимодействию, если оно будет построено на равноправных началах с помощью интернет-площадок и цифровых технологий.

Ключевые слова: пандемия; постпандемия; цифровая религия; цифровизация религии; медиатизация религии; молодежь; социальное служение.

Информация для цитирования: Гузельбаева Г. Я. Отношение молодых людей к религиозным организациям, духовным лидерам и цифровизации религиозной сферы на фоне постпандемии // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 1. С. 177-190. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-1-1-3

Original article

Guzel Ya. Guzelbaeva

The attitude of young people towards religious organizations, spiritual leaders and the digitalization of the religious sphere against the background of the post-pandemic

Kazan Federal University
18 Kremlyovskaya St., Kazan, 420008, Russia;
Kazan State Medicinal University
39 Butlerov St., Kazan, 420012, Russia
Guzel.Guzelbaeva@kpfu.ru

Abstract. The state of anxiety associated with the pandemic and post-pandemic has led a certain number of people to turn to traditional spiritual foundations and religion. The crisis period of 2020-2021 caused serious changes affecting religious institutions. One of the notable shifts in religious life over the past few years has been digitalization and mediatization. Young people react to new phenomena and processes in the religious sphere in their own way, expressing different assessments and expectations. This article analyzes the attitude of young people to the role of religious organizations in the situation of the pandemic and after it, the level of trust in religious organizations and their representatives, expectations from clergy, attitude to the processes of digitalization and mediatization of religious life. The article is based on the data of the sociological study carried out in a quantitative and qualitative strategy. It is a mass survey on a semi-formalized questionnaire that was conducted in January 2021 among students of 15 universities in Moscow and Kazan, n=456 people, and five focus groups conducted among young people without higher education in October 2023 in Kazan and Saratov. The participants were from 17 to 24 years old. Religious organizations cause a variety of assessments – from positive, mainly among young believers, to disapproving, among non-believers. Young people, especially atheists, are critical of the open interaction of religious structures with political institutions and the church's interference in various aspects of secular society. In part, young people express the usual criticism of religion which is popular nowadays. Some of the negative assessments are related to the lack of information, for example, about the real activity of religious structures and individual clergy in helping people who found themselves in a vulnerable position during the coronavirus pandemic. Numerous examples of social service from various parishes turned out to be almost unnoticed. The popularity of those pastors who use virtual space in their work testifies to the lively need of young people to receive information about religion. At the same time, young people trust informal communication, devoid of the traditional instructive tone. This once again indicates a gap

in communication between traditional religious institutions and the younger generation, who have their own well-founded claims against representatives of faiths. Young people are ready for interaction if it is built on an equal footing with the help of Internet platforms and digital technologies.

Key words: pandemic; post-pandemic; digital religion; digitalization of religion; mediatization of religion; youth, social service.

Information for citation: Guzelbaeva, G. Ya. (2024), "The attitude of young people towards religious organizations, spiritual leaders and the digitalization of the religious sphere against the background of the post-pandemic", *Research Result. Sociology and Management*, 10 (1), 177-190. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-1-1-3

Введение (Introduction). Пандемия коронавируса, охватившая мир несколько лет назад, и реакция на нее вызвали новые явления в религиозной сфере. В период пика борьбы с коронавирусом COVID-19 в обществе появились особые ожидания от церкви, связанные с надеждой на поддержку людей, оказавшихся в затруднительном моральном, психологическом и материальном положении со стороны религиозных организаций, а также на помощь бога и собственные молитвы. Это проявляется в стремлении некоторых религиозных акторов сохранять приверженность религиозному канону, несмотря на призыв государственной власти и религиозных организаций соблюдать меры предосторожности вплоть до самоизоляции и закрытия храмов. Судя по сообщениям масс-медиа и публикациям в пабликах на повестке дня во многих странах сохраняется озабоченность и тревожность от возможного распространения уже известных или новых болезней.

За последние четыре года, прошедшие с начала распространения COVID-19, внимание многих исследователей обращено к роли религиозных организаций в помощи населению в адаптации к новым условиям, а также к процессу цифровизации религиозной жизни и изменению роли религии в ситуации переноса части религиозных обрядов в интернет-сферу (Мчедлова, Кофанова, Шевченко, 2021; Черничкин, 2021). Ряд работ посвящен взаимодействию религиозных институтов и населения, которому требовалась поддержка разного рода, включая духовную (Идиатуллов,

Мясникова, Анисимова, 2022; Религии в современной России, 2021). Анализируя поведение различных групп населения в течение и после ситуации пандемии, авторы выявляют факторы, повлиявшие на социальную активность молодежи, среди которых религиозный фактор также играет значимую роль (Гуревич, 2022; Яцевич и др., 2023). Религиоведы подробно анализируют явления цифровизации и медиатизации религии (Гибадуллина, Кусанова, 2022; Островская, 2021; Нимяев, 2023; Смирнов, 2019; Чеснова, 2023). Отмечено, что социальные медиа размывают и трансформируют границы между сакральным и профанным. Посредством цифровых технологий верующие имеют возможность входить в различные религиозные онлайн сообщества, менее жестко отождествляя себя с конкретной общиной (Зимова, Фомин, 2022).

Христианские церкви и религиозные организации других конфессий проявили себя активной частью гражданского общества. Они быстро отреагировали на критическую ситуацию, которая сложилась в ряде стран, и активизировали практики социального служения, необходимые для поддержки населения и помощи государственным медицинским учреждениям (Мчедлова, Казаринова 2021; Шиманская, 2022; Маслакова, 2021). Схожим образом пандемия спровоцировала рост волонтерской активности в околоцерковной и нецерковной среде среди людей разных поколений (Лункин 2020: 557).

Цифровизация религии и медиатизация (процесс, в результате которого религиозная организация приобретает черты СМИ) рассматриваются современными исследователями как составная часть процессов адаптации религии к условиям (пост)секулярного общества. А. Поссамай отмечает, что цифровая трансформация религии есть движение в сторону рационализации и индивидуализации. Эти изменения аналогичны трансформации других социальных институтов и общества в целом в этом направлении (Possamai, 2018: 131). Сегодня мы можем наблюдать изменение способов публичной репрезентации религии и интерпретации религиозных символов и нарративов в средствах массовой информации и в пространстве интернета. Это создает зависимость религиозной коммуникации от масс-медиа, включая цифровые (Островская, 2019; Богатова, Голованов, 2023; Богданова, 2020; Лункин, 2020).

Различные регионы, социальные слои, поколения и конфессии по-своему реагируют на последствия пандемии. Постпандемия стимулировала религиозные структуры и отдельных духовных лидеров переосмыслить и взаимодействие с прихожанами, и роль религии в условиях цифрового пространства. Разные группы молодежи по-своему реагируют на эти новые обстоятельства. В фокусе данной статьи – отношение молодых людей к роли религиозных организаций в ситуации пандемии и после нее, уровень доверия религиозным организациям и ее представителям, ожидания от духовных лиц, религиозность онлайн и отношение к процессам цифровизации религии. Для выяснения этих вопросов был проведен опрос учащихся вузов трех крупных городов – Москвы, Казани и Саратова. Москва презентует собой крупнейший город России, который отличается наиболее разнообразным этно-национальным и конфессиональным составом. Казань служит примером города-миллионника с многочисленными мусульманскими и православными общинами. Саратов является

крупным региональным городом с преимущественно русским населением (около 91,5%).

Методология и методы (Methodology and methods). Для реализации поставленных задач было проведено исследование с применением массового анкетного опроса и фокус-групп. Анкетный опрос состоялся в январе 2021 г. в ситуации пандемии, среди молодых людей г. Москвы и г. Казани. Затем, в октябре 2023 г. данные опроса были дополнены фокус-группами по той же тематике среди молодых людей с разным уровнем образования и различным родом занятия в г. Казани и Саратове. Объем выборочной совокупности опроса 2021 г. составил 456 человек, из них 250 человек – учащиеся вузов г. Москвы, 206 человек – г. Казани. Осенью 2023 г. прошли пять фокус-групп: три в Казани, две в Саратове. Возраст опрошенных в обеих частях общего проекта – массового опроса и фокус-групп – представлен в диапазоне от 17 до 24 лет, средний возраст респондентов составил 20,5 лет.

Выборка респондентов массового опроса 2021 г. осуществлялась среди студентов двух городов в онлайн формате с использованием целевого способа отбора (целевой отбор 15 вузов – десять в Москве и пять в Казани с учетом разнообразия специальностей, и последующее распространение ссылок на опрос в студенческих группах этих вузов). Далее следовала корректировка выборочной совокупности на основе выделенных квот по параметрам возраста, пола и специальности. Репрезентативность обеспечена представленностью групп студентов по параметрам возраста, пола, направления изучаемой специальности в соответствии с данными по генеральной совокупности. Представленность студентов различных специальностей и различных вузов позволяет утверждать о минимальной ошибке неохвата. Ошибка репрезентативности составляет 5% при доверительной вероятности в 0,95. Опрос проходил с 20 по 28 января 2021 г. и охватил учащихся 15-ти вузов, в Москве: МГУ, НИУ ВШЭ, МФТИ,

РУДН, РАНХиГС, МГПУ, МАИ, МГИМО, МГЛУ, МИИ, в Казани: КФУ, КНИТУ (КАИ), КГАСУ, РИИ, КДУ. Доля учащихся религиозных учебных заведений составляет 5% от общей выборки. Это студенты Московского исламского университета, Российского исламского института (Казань), Казанской духовной семинарии.

Данные опроса проанализированы в целом по выборке, а также в сравнении между следующими категориями студентов, на основании самоидентификации: верующие и неверующие; воцерковленные/практикующие – выполняющие обряды и предписания своей конфессии, называемые в работе религиозными, и невоцерковленные/непрактикующие, не выполняющие предписания – нерелигиозные. Результаты не разделяются на группы молодых людей, проживающих в разных городах, так как различия не существенны по тем вопросам, которые освещаются в данной статье.

Серия фокус-групп позволила расширить состав участников и снять ограничение рода деятельности от студенчества до людей рабочих специальностей и служащих без высшего образования. В групповых дискуссиях 2023 г. приняли участие молодые люди той же возрастной группы, что и респонденты массового опроса, 19–24 года, которые после окончания общеобразовательной школы выбрали учебу в колледжах или училищах и последующее трудоустройство. В Саратове в дискуссиях принимали участие работники двух строительных компаний, в Казани – строительной компании и типографии. Вопросы, обсуждавшиеся на фокус-группах, повторяли часть вопросов анкеты 2021 г., сформулированных с учетом завершения самого критического периода пандемии COVID-19.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Отношение молодых людей к религиозным организациям: рефлексия ситуации после пандемии.* По данным нашего опроса, отношение студентов к вере в Бога и конфессии практически отражает общую картину религиозности россиян. Более трети молодых

людей называют себя верующими людьми (37%), остальные разделились на осознанных атеистов (24%) и тех, кто не может сформулировать четкого отношения к Богу, колеблясь между верой в абстрактные высшие силы и игнорированием этой темы (39%). Большинство молодых людей (71%) не ходят в храм. Многие студенты лишь формально идентифицируют себя с конкретной конфессией (православие и ислам), не проявляя высокой степени веры и не соблюдая религиозные предписания. Среди участников опроса православными себя называют 31%, мусульманами – 17%. Более трети (38%) не относятся ни к какой религии. Небольшая доля студентов (7%) называют своей религией протестантизм, буддизм, неоязычество и иудаизм, остальные затруднились с ответом (7%). Различий между православными и мусульманами, учащимися из Москвы и из Казани по вопросам, освещенным в данной работе, не наблюдается.

Согласно полученным данным, среди молодых людей превалирует равнодушное и скептическое отношение к религиозным организациям. Почти половина студентов в той или иной степени не одобряют деятельность Русской православной церкви (46%). С одобрением относится к РПЦ каждый пятый студент (21%: «скорее одобряю» + «в целом одобряю»). Относительно высокая доля затруднившихся с ответом – одна треть (33%) – вероятно, свидетельствует о том, что молодые люди плохо знакомы с деятельностью РПЦ или не решаются дать ей оценки по другим причинам. Большая доля казанцев, затруднившихся определиться со своим отношением к православной церкви, по сравнению со студентами из Москвы, может говорить о том, что часть мусульман, которых больше в Казани, воздерживается от своей реакции на «чужую» религиозную организацию (27% затруднившихся москвичей и 40% казанцев).

Что касается муфтиятов и мусульманских лидеров, то их деятельность оказалась неочевидной для большинства студентов: более половины (51%) затруднились дать

свою оценку по данному вопросу. Конечно, доля затруднившихся ответить значительно выше среди московских учащихся (57%) ввиду того, что они не так часто сталкиваются с мусульманскими организациями, но и среди казанцев таких довольно много (44%). Свое одобрение отметили 36% студентов Казани, среди москвичей доля одобряющих работу муфтиятов почти в три раза ниже – 13% (в целом по выборке – 24%). Каждый четвертый молодой человек (25%) неодобрительно относится к деятельности мусульманских лидеров и организаций (среди опрошенных москвичей – 30%, среди казанцев – 20%).

Не стало неожиданностью, что религиозные организации находят большую поддержку среди верующей части опрошенных. Так, деятельность РПЦ одобряют или скорее одобряют 37% верующих и лишь 4% атеистов, деятельность муфтиятов – 37% и 5% соответственно. Еще больший уровень одобрения деятельности религиозных организаций характерен для той части студенчества, которая считает себя религиозными/ воцерковленными людьми. Так, 48% из них одобряют или скорее одобряют деятельность РПЦ (среди нерелигиозных – 14%); 52% – одобряют деятельность муфтиятов (среди нерелигиозных – 18%).

Аргументация и объяснение своего отношения к религиозным организациям сводится к следующему. По данным ответов на открытые вопросы анкеты и данным фокус-групп, среди тех молодых людей, кто одобряет деятельность РПЦ и муфтиятов, популярные аргументы представлены следующими высказываниями: «они помогают людям», «они оказывают поддержку в сложных ситуациях», «они помогают нести свет и добро людям», «объясняют духовные ценности». Те, кто высказывает свое недовольство в отношении деятельности религиозных организаций, аргументируют это тем, что «они слишком много вмешиваются в жизнь вне религиозной сферы» и «они слишком много общаются с государственной властью и действуют, ориентируясь на нее».

Рассуждая о религиозной сфере, молодые люди охотно включаются в дискуссии о вопросе разделения светской и религиозной сфер. Часть из них упрекают церковь за то, что она «излишне вмешивается в общественные дела», выходя «за пределы области своей компетенции»; что «религиозные структуры, как и государственная власть, забывают, что наше общество является светским». Озвучивается мнение, что религиозные организации «вторгаются в дела людей», «забывая о том, что от них ожидает общество». О своих ожиданиях молодые люди упоминают отдельно: они хотят, чтобы церковь и муфтияты «разъясняли вопросы веры и вероучений». Это позволило бы изменить излишне формализованное и поверхностное отношение граждан к религии. Верующие люди, которые часто молятся и ходят в храм, видятся части молодежи «заурядными людьми» с «затуманенным разумом». Изменить эту ситуацию могла бы сама церковь, если бы вела соответствующую работу («объяснить, что вера – это не просто поход в церковь и крестик на шею, но нечто более глубокое»). Но на деле, утверждают молодые люди, религиозные организации «далеки от народа» и «воздействуют на сознание народа», «вводя в заблуждение». Они «формально общаются с людьми», «так очевидно, что недостает обычного, искреннего разговора». При этом респондентами оговаривается их собственное уважение к любому человеку, который осознанно выбрал путь веры в бога. Другие ожидания связаны с ролью церкви быть нравственным ориентиром. Традиционные религиозные организации, по мнению части студентов, «перестали быть моральным примером и образцом», они «утратили это духовное значение» в глазах общества.

Часть опрошенных молодых людей считает, что религиозные структуры, в частности, РПЦ, «политизированы и дискредитированы» взаимодействием со светскими властями. Они «опекают» государственную власть («олигархические клики»)

и не являются независимыми от нее. Церковь видится «*сильным институтом с большим потенциалом*», но который «*использует в своей деятельности механизмы манипуляции людьми*». Размышляя о религиозных организациях, респонденты называют их «*бизнес-структурой по оказанию услуг населению*», главная цель которых – «*нажива*». Молодежь сетует на отсутствие независимой конфессии, которая «*пользовалась бы доверием и восхищением среди граждан, даже среди неверующих*». Они называют религиозные структуры «*организованными корыстными религиями*» и отмечают, что те вызывают негативные реакции, при этом отмечая, что религии и вера вообще вызывают у них позитивное отношение.

Оставаясь отстраненными от религиозной сферы, большинство студентов не высказывают доверия религиозным организациям, а также не могут вспомнить примеров какой-либо помощи от них в сложный период заболевания коронавирусом. Часть молодых людей допускают, что помощь вероятно оказывалась, другая часть считает, что раз они не встречали информации о конкретных акциях, то их и не было. Лишь небольшая доля студентов, в основном верующих, говорят о своей осведомленности и одобрении той работой, которую вели представители различных конфессий. Можно предположить, что сложный период, когда людям требовалась моральная поддержка, не был использован духовными лидерами для информирования населения об актах социального служения и повышения своего авторитета.

Критический настрой к деятельности религиозных организаций и отдельных лиц связано, вероятно, с плохой информированностью процессов в религиозной сфере. Поэтому часто новости о жизни различных конфессий многие молодые люди воспринимают с равнодушием или раздражением, одновременно осуждая за недостаточную активность в деле помощи реальным людям во время пандемии, ровно как за пассивность в информационном поле. Внимания

молодежи не привлекла та огромная работа, которую проводили многие приходы. Они пропустили многочисленные случаи социального служения, которое было и продолжает оказываться нуждающимся со стороны разных конфессий и в период пандемии, и после нее (Богатова, Головин, 2023; Лункин, 2020; Шиманская, 2022).

Доверие духовным лидерам. При обсуждении вопроса о доверии конкретным религиозным персонажам, студенты и молодые люди вне университетов крайне затруднились с указанием духовных лидеров и подавляющее большинство никого не назвали. Скорее всего, это объясняется слабым интересом молодежи к религиозной сфере, однако может указывать и на то, что яркие запоминающиеся религиозные лидеры, которые вызывали бы симпатию или уважение, не названы из-за отсутствия доверия. Во всех городах самым популярными высказываниями были «*никто*», «*никому не доверяю*», «*не знаю*», наряду с игнорированием этого вопроса. По данным анкетирования, результативные ответы с упоминанием конкретных персоналий из религиозной сферы дали около 10% респондентов. Больше всего голосов (но все равно очень небольшая доля по выборке, около 2%) оказалось у Папы Римского и Далай-ламы. По обобщенному анализу фокус-групп и массового опроса, можно сделать следующие выводы. В Москве и Саратове относительно часто назывался Патриарх Русской православной церкви о. Кирилл, а в Казани – Председатель Духовного управления мусульман Татарстана муфтий Камиль Самигуллин. Молодые люди упоминают религиозного деятеля, лишённого сана православного священника, Андрея Кураева (внесён в реестр иноагентов Минюстом РФ), московского имама, богослова и автора популярных книг по исламу и личностному росту Шамиля Аляутдинова и его брата, муфтия Москвы Ильдара Аляутдинова, несколько православных богословов и священников, протестантских пасторов, католических священников, мусульманских имамов. Было также общее указание

духовных лиц без конкретных имен («*есть простые попы и имамы, наверняка вызывают доверие, но имен я не знаю*»). Перечислим упомянутых персонажей в алфавитном порядке: Алекс Артовский (раввин, Москва), Али Газиев (имам, Дагестан), Константин Бендас (член протестантского союза РОСХВЕ), Махатма Ганди, Анзор Дзеукожев (имам, Адыгея), Михаил Дубровский (член протестантского союза РОСХВЕ), Тадеуш Кондрусевич (католический епископ, Беларусь), Яков Кротов (священник Православной церкви Украины), Георгий Митрофанов (православный священник и публицист, Санкт-Петербург), Алексей Осипов (православный богослов и публицист, Москва), Павел Островский (православный священник, телеведущий и блогер, Москва), Анатолий Погасий (протестантский пастор, Казань), Сергей Ряховский (председатель протестантского союза РОСХВЕ), Андрей Ткачев (православный священник, проповедник, телеведущий, Москва), Алексей Уминский (православный священник и публицист, Москва), Абдулла Хидирбеков (имам, помощник муфтия Респ. Дагестан).

Таким образом, студенты плохо осведомлены как о деятельности религиозных организаций, так и о конкретных персоналиях. Критически настроенные студенты игнорируют деятельность отдельных духовных лидеров и утверждают, что не испытывают доверие ни к кому из религиозных деятелей. Одна часть верующих высказывает уважение высшим духовным иерархам, а другая называет тех, кто использует средства коммуникации, отличные от традиционных формальных каналов, – социальные сети, интернет-страницы отдельных приходов, публикует популярную религиозную литературу, выступает с онлайн-проповедями и *«ведет доверительный диалог»* с населением.

Наибольшую популярность и доверие имеют те духовные лица, кто использует для общения с паствой новые медиа-технологии. Буквально, если религиозный свя-

щенник или имам присутствует в интернете, то есть вероятность его узнаваемости среди молодежи. Если человека нет в сети, то молодые люди, как правило, ничего о нем не слышали. Исключение составляют сановники высокого ранга, давно присутствующие в публичном пространстве, причем не столько персонально, сколько своей традиционной «должностью» в религиозном и общественном поле, примером чего и являются упомянутые выше Папа Римский, Далай Лама, Патриарх Русской православной церкви и муфтий.

Запрос на цифровизацию религиозной сферы. Основной запрос, который имеется у молодых людей к религиозным организациям, – использовать для общения цифровые технологии и вести равноправное общение без поучительного, догматического тона. На самом деле, подобные тенденции есть практически во всех конфессиях, и начались они еще до пандемии. Многие приходы, монастыри и внутрицерковные сообщества, мечети и синагоги давно и успешно используют виртуальные каналы общения и распространения информации. Но стремительный толчок был дан именно критическим 2020 годом. По мере необходимости, поскольку прихожане не могли принимать участие в богослужениях, сформировалась определенная виртуальная практика молитвы, службы и взаимодействия верующих с духовенством. Многие священники проявили себя как видеоблогеры, другие посвятили себя общению в социальных сетях, в том числе сбору пожертвований (Лункин, 2020: 551-552). Приведем несколько примеров успешных интернет-проповедников, чьи имена упоминались участниками нашего исследования.

Один из ярких примеров – протоирей Павел Островский, настоятель храма Св. Георгия в подмосковном Нахабино. Начал практиковать онлайн-проповеди и беседы с подписчиками в социальных сетях за десять лет до начала пандемии. Около 2010 г. начал вести прямые эфиры в социальной сети Periscope о религии, жизни, отноше-

ниях. Будучи первым и единственным священником в этой социальной сети, он нашел выход на аудиторию, далекую от Церкви. Затем продолжил заниматься привлечением далеких от Бога людей на путь религии и стал вести прямые трансляции и stories на своей странице в социальной сети «Инстаграм» (деятельность организации запрещена на территории РФ), в 2017-м появился его личный YouTube-канал. На отца Павла подписаны многие популярные персоны отечественного шоу-бизнеса. Принимал участие в передачах на федеральных телеканалах. В 2021 г. он запустил на YouTube несколько циклов актуальных программ, не имевших аналогов в православном интернете: «Помолчим» (для подростков), «Помолчим в кавычках» (для взрослых, переживших в детстве насилие, предательство, депрессию), «Есть разговор» (разговоры на актуальные темы), «Несерьезно» (юмористический подкаст с подростками), «Простыми словами о Православии». Ведет свой Telegram-канал и страницу во «ВКонтакте». Большая популярность Павла Островского обусловлена остроумным стилем, лишенным религиозного фанатизма и нравочений.

Другой крайне популярный и успешный пример – Шамиль Аляутдинов, имам-хатыб (проповедник) Московской Мемориальной мечети на Поклонной горе. Он один из самых популярных и влиятельных в России мусульманских лидеров, особенно среди молодежи. Автор многочисленных статей и книг по исламу. С начала 2000-х гг. регулярно выступает в СМИ с экспертными оценками, включая такие российские телеканалы как Первый, Россия, Рен ТВ, Мир и др., самые популярные радиоканалы, печатные издания. Еще в 1999 г. основал известный в мусульманской среде и Рунете богословский сайт umma.ru. Является автором и «тренером» семинаров и вебинаров личностного роста, наиболее известный из которых – созданный в 2012 г. проект «Триллионер», названный Шамилем мусульманским коучингом. В нем мусульманские ценности рассматриваются как инструмент для

духовного, интеллектуального, физического и финансового преобразования. Ведет каналы и блоги в социальных медиа и на интернет-платформах, в частности, успешный проект на YouTube и два популярных Telegram-канала.

Случай другого свойства, не названный участниками исследования, но отличающийся от многих блогеров от религии, по стилю работы с аудиторией и конкретными задачами, по всей видимости, коммерчески ориентированными, – деятельность протоиерея Владимира Головина из Казанской митрополии. Он занимался активной религиозной деятельностью через сайт «Молитва по соглашению.рф». Вокруг его прихода в городе Болгаре (Республика Татарстан) возникла сетевая структура из помощников, консультантов и последователей. Этот пример онлайн-работы священника получил популярность не только за удачную форму просветительской деятельности (по сути – популистскую), но и как печально известный случай, осуждаемый многими воцерковленными православными. По сути, В. Головин совершает подмену литургической жизни чтением молитв «по соглашению» как действенного способа решения тех или иных проблем, «исполнения желаний». Нетривиальные проповеди онлайн и подозрения в высокой монетизации его сайта привлекли внимание православных консерваторов, которые добились запрета деятельности Головина в 2019 г.

Как отмечают эксперты, одним из следствий цифровизации и медиатизации религиозной жизни становится появление и продвижение нового образа священника и новой версии взаимодействия священник – мирянин. Блоггерство позволяет духовным лицам преодолеть консервативные рамки прихода и храма. Они получают возможность сформировать собственную аудиторию, сами выбирают стиль общения, контент проповеди, прочие элементы взаимодействия (Богатова, Головин, 2023: 97-98; Островская, 2021: 44). После пандемии произошел массовый перенос религиозных

практик в цифровое пространство, возникли их разнообразные гибридные формы, можно говорить о новом уровне вовлеченности верующих, повышении интерактивности конфессиональной деятельности (Лученко, 2021: 42). В интернет-пространстве верующие, менее жестко отождествляют себя с конкретной общиной, вступают в различные религиозные цифровые сообщества и по-новому позиционируют себя перед другими верующими, они более свободно общаются со священниками, дискутируют, меньше ощущают давление церковной среды (Зимова, Фомин, 2022: 43).

Молодые люди по-разному относятся к цифровизации религиозной жизни. Как показал наше исследование, значительная часть молодежи считают необходимым введение цифровых практик в религиозную сферу. Хотя в 2021 г. более половины респондентов (58%) не знали о том, что в условиях установленных карантинных мер стали практиковаться религиозные онлайн-службы, и лишь незначительная доля (6%) участников опроса знали о таком формате не понаслышке и лично принимали в них участие, с тех пор ситуация изменилась. Верующие пользователи сети все чаще высказывают склонность к применению передовых технологий в общении с религиозными наставниками и единоверцами, что позволяет перейти в *«интернет – естественную среду обитания молодежи»*, и при этом *«уйти от давящей атмосферы церкви»*, *«осуждающих бабушек»*, слишком догматичных, по мнению молодежи, священников, пастырей и имамов. Но к онлайн-богослужениям большинство верующих молодых людей (55%) высказывают скептическое отношение, утверждая, что *«виртуальные службы не заменят посещения храма»*, *«это возможно лишь для случаев экстремальных ситуаций»*, в то время, как только 20% неверующих считают подобную практику неприемлемой.

Между тем, другие исследования показывают, что интернет-общение с духовным наставником, онлайн-ритуалы и циф-

ровое миссионерство может позволить избежать привязки ко времени и месту, давая возможность привлекать больше людей к внутри церковной или внутри мечетской жизни, акциям помощи и поддержки, а в результате – к религиозной общине и к Богу (Нимяев, 2022).

Действительно, цифровизация и медиатизация религиозной жизни позволяет привлечь молодых людей, для которых интернет и технологии – главный источник информации и коммуникации. Это может помочь формировать более привлекательный образ религиозных организаций, рассказывать об их деятельности, обсуждать проблемы, откликаться на конкретные запросы. Большое значение имеют религиозные блогеры, которые переносят просветительскую работу в виртуальную среду. К тому же использование интернет-ресурсов может в определенной степени уменьшить традиционную религиозную иерархичность в сторону более равноправного участия в религиозной жизни.

Заключение (Conclusions). Ситуация пандемии коронавируса внесла значительные изменения в жизнь студенчества и работающей молодежи. Даже в ситуации постпандемии, в 2023 г., часть молодых людей признается, что до сих пор в той или иной степени испытывают опасения заразиться вирусом – ставшим уже практически привычным ковидом или другим, возможно, новым, заболеванием. Подобные состояния тревоги, при которых может сохраняться вопрос об угрозе здоровью и жизни большого числа людей, побуждают апеллировать к институтам, связанным в общественном сознании с понятиями моральной поддержки и духовной защиты. В этой связи встает вопрос о доверии религиозным организациям со стороны молодых людей.

Наше исследование показало, что многие молодые люди не интересуются деятельностью религиозных организаций, при этом уровень доверия им со стороны опрошенных можно оценить, как средний или ниже среднего. Лишь небольшая доля

молодежи готова взаимодействовать с религиозными структурами и вообще прислушивается к их мнению. Респонденты признаются, что плохо знакомы с работой церкви и муфтиятов и не интересуются их делами. В этом вопросе наблюдается существенная разница между мнениями верующих и неверующих. И деятельности РПЦ, и муфтиятов более трети верующих высказали свое доверие при минимальном уровне доверия со стороны атеистов. Доля положительных оценок деятельности религиозных организаций еще выше среди молодых людей, определивших себя религиозными (воцерковленными, или практикующими), а также среди представителей соответствующих конфессий (например, доля мусульман, одобряющих деятельность муфтиятов, – почти 60%).

Ожидания, которые имеются у молодежи по отношению к религиозным организациям, состоят в том, чтобы они придерживались принципа светскости и не пытались вмешиваться в дела государства, а также избегали в общении формальности, нотаций и нравочений. Те респонденты, кто критически относится к религиозным организациям, высказывают мнение, что в ситуации пандемии, когда у общества была большая потребность духовного общения и поддержки, религиозные структуры не смогли наладить контакт с потенциальными прихожанами и оказать моральную или иную помощь. При этом молодые люди ждут от церкви не столько материальной поддержки, сколько выполнения их обязанностей как «проводников Бога» – духовных разъяснительных бесед и проповедей, показывающих, в чем суть веры, вероучения, нравственных ценностей, как людям следует взаимодействовать друг с другом и т.д.

Пандемия стимулировала религиозные организации проявить свой потенциал гражданской активности и социального служения, оказывая духовную и материальную помощь нуждающимся. Распространение коронавируса спровоцировало рост волонтерской деятельности, особенно среди молодежи и поколения 40-летних. Однако

подавляющее большинство участников нашего исследования плохой информированы о том, что происходит в приходах, чем заняты сотрудники храмов, духовные лидеры и прихожане. Мнения верующих и неверующих молодых людей по этому вопросу разительно отличаются. Верующие гораздо более позитивно оценивают помощь религиозных организаций по сравнению с неверующими, а среди воцерковленных/практикующих еще большая доля (почти две трети) говорят, что знают о такой работе и положительно ее оценивают. Небольшая часть молодых людей называет конкретные благотворительные акты помощи, которые заключались в раздаче бесплатной еды и продуктов, акциях сбора средств для пострадавших в пандемию, психологической работе с теми, кто потерял работу, болел сам или имел заболевших родственников. Респондентами были упомянуты несколько благотворительных фондов – Фонд для поддержки нуждающихся в Москве, фонды «Милосердие», «Закат», «Расалят», казанский фонд «Ярдам».

Молодежь недостаточно хорошо осведомлена и о конкретных духовных лицах. Узнаваемость и относительное доверие имеют главы РПЦ и отдельных региональных муфтиятов, но не только они. Верующие люди с различной степенью включенности в обрядовую сторону религии, а также небольшая часть атеистов говорят об интересе к тем деятелям религиозных структур, которые активны в интернет-пространстве своими публичными проповедями, онлайн лекциями, книгами и регулярными постами в социальных сетях. Среди них молодые люди называют как представителей РПЦ, так и религиозных меньшинств: прежде всего мусульманских имамов и протестантов.

Одно из серьезных изменений, повлиявших на конфессии практически всех стран в последние несколько лет, стал сдвиг в сторону цифровизации религиозной жизни. В религиозной сфере использование медиа и интернет площадок началось го-

раздо раньше 2020 г. Пандемия активизировала эти процессы, появилось немало духовных лиц – блогеров, что постепенно делает эту сферу более открытой и привлекательной для молодежи. Церкви, мусульманские приходы и пр. находятся на постоянной связи с членами своих религиозных общин, однако, как социальному институту, церкви следует искать постоянное взаимодействие с более широкими слоями населения, выбирая наиболее эффективные каналы и стили коммуникации. Для молодежи такими являются интернет-пространство и доверительный стиль общения.

Список литературы

- Богатова О. А., Голованов С. В. Деятельность православных блогеров как фактор модернизации православных религиозных организаций // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 2. С. 91-102.
- Богданова О. А. Медиатизация пастырства в Русской православной церкви: предпосылки формирования сайтов с вопросами священнику // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38, № 2. С. 207-234.
- Гибадуллина М. Р., Кусанова Д. С. Новые формы сетевого активизма на примере мусульманок Республики Татарстан // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 2. С. 16-27.
- Гуревич К. В. Цифровые практики московской молодежной еврейской общины в период социального дистанцирования весной 2020 года // Цифровая иудаика: исследование еврейских общин в онлайн-пространстве / Отв. ред. И. Душакова, М. Каспина. М.: 2022. С. 110-130.
- Зимова Н. С., Фомин Е. В. Трансформируя сакральное: цифровые религиозные сообщества в XXI веке // Социология религии в обществе позднего модерна. 2022. Т. 11. С. 39-47.
- Идиатуллин А. К., Мясникова А. Б., Анисимова Е. Ю. Религия в период пандемии на территории Чувашской Республики // Исторический поиск / Historical Search. 2022. Т. 3, № 3. С. 89-100.
- Лункин Р. Н. Социально-политические последствия пандемии для Русской православной церкви: раскрытие внутреннего потенциала гражданской активности и социального служения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22, № 4. С. 547-558.
- Лученко К. В. Цифровизация богослужебных практик в период пандемии коронавируса в контексте медиатизации православия // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2021. Т. 39, № 1. С. 39-57.
- Маслакова А. В. Сестричества милосердия во время пандемии // Труды Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью). Выпуск XII: Сборник научных трудов. Белгород: Белгородская и Старооскольская епархия, 2021. С. 289-293.
- Мчедлова М. М., Казаринова Д. Б. Вызов пандемии COVID-19 и религия: онтология vs политика // Полис. Политические исследования. 2021. №4. С. 148-162.
- Мчедлова М. М., Кофанова Е. Н., Шевченко А. Г. Религия в условиях пандемии: отношение к цифровизации религиозных практик // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 19 / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2021. С. 462-483.
- Нимяев Э. А. Исследование «цифровой религии»: классификация религиозных онлайн-ресурсов // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2022. № 3. С. 220-229.
- Нимяев Э. А. Место религии в системе цифровых коммуникаций: «пространство для сообщества» и цифровой религиозный суррогат // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2023. № 3. С. 171-183.
- Островская Е. А. Медиатизация православия – это возможно? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5(153). С. 300-319.
- Островская Е. А. Миссия выполняема: православные батюшки-блогеры // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5, № 1(17). С. 44-59.
- Пандемия и постпандемия как основные факторы, повлиявшие на социальную активность молодежи / Яцевич О. Е., Омелаенко Н. В., Ткачева Н. А., Шабатура Л. Н., Юдашкина В. В. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 5 (86). С. 119-127.
- Религия в современной России: события и дискурсы пандемии / Мчедлова, М. М. и др.;

под ред. М. М. Мчедловой; РУДН; ФНИСЦ РАН. М.: РУДН, 2021. 352 с.

Смирнов М. Ю. Цифровизация как «обнуление» религий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2019. № 3. С. 137-145.

Черничкин Д. А. Трансформация религиозной коммуникации под влиянием пандемии COVID-19 // *Logos et Praxis*. 2021. Т. 20, № 2. С. 56-64.

Чеснова Е. Н. Религия онлайн: новые практики и феномены // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2023. № 4 (48). С. 68-82.

Шиманская О. К. Гражданский потенциал религиозных организаций в период пандемии COVID-19 в 2020 г. (на примере Православия) // Трансформация общественного сознания в переходную эпоху: материалы международной научно-практической конференции. Т. 2. Нижний Новгород, 2022. С. 51-56.

Possamai A. The I-zation of Society, Religion, and Neoliberal Post-Secularism. Palgrave Macmillan, Singapore. 2018. 244 p.

References

Bogatova, O. A. and Golovanov, S. V. (2023), "The activity of Orthodox bloggers as a factor of the Orthodox religious organizations modernization", *Science. Culture. Society*, 29 (2), 91-102. (In Russian)

Bogdanova, O. A. (2020), "Mediatization of Pastoral Care in the Russian Orthodox Church: Reasons Behind 'Ask the Priest' Websites", *Gosudarstvo, Religii, Tserkov v Rossii i za Rubezhom=State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 38 (2), 207-234. (In Russian)

Gibadullina, M. R. and Kusanova, D. S. (2022), "New forms of network activism on the example of Muslim women of the Republic of Tatarstan", *Research Result. Sociology and Management*, 8(2), 16-27. (In Russian)

Gurevich, K. V. (2022), "Digital religious practices of the Moscow youth Jewish community in the period of social distancing", in Dushakova, I., Kaspina, M. (eds.), *Digital Jewish Studies: Exploring Jewish Communities in the Online Space*, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 110-130. (In Russian)

Zimova, N. S. and Fomin, E. V. (2022), "Transforming the sacred: Digital religious com-

munities in the XXI century", *The Sociology of Religion in Late Modern Society*, 11, 39-47. (In Russian)

Idiatullov, A. K., Myasnikova, A. B. and Anisimova, E. Yu. (2022), "Religion during the pandemic in the territory of the Chuvash Republic", *Historical Search*, 3 (3), 89-100. (In Russian)

Lunkin, R. N. (2020), "Social and Political Consequences of the Pandemic for the Russian Orthodox Church", *RUDN Journal of Political Science*, 22(4), 547-558. (In Russian)

Luchenko, X. V. (2021), "The Digitalization of Worship Practices during the Coronavirus Pandemic in the Context of the Mediatization of Orthodoxy", *Gosudarstvo, Religii, Tserkov v Rossii i za Rubezhom=State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 39 (1), 39-57. (In Russian)

Maslakova, A. V. (2021), "Sistrehoods of mercy during the pandemic", *Proceedings of the Belgorod Orthodox Theological Seminary (with Missionary Orientation). Issue XII: Collection of Scientific Papers*, Belgorod and Stariy Oskol Diocese; SKpress, Belgorod, 289-293. (In Russian)

Mchedlova, M. M. and Kazarinova, D. B. (2021), "COVID-19 Pandemic Challenge and Religion: Ontology vs Politics", *Polis. Political Studies*, (4), 148-162. (In Russian)

Mchedlova, M. M., Kofanova, E. N. and Shevchenko, A. G. (2021), "Religion in a pandemic: attitude to the digitalization of religious practices", *Academic writing: Russia in reform: yearbook, Is. 19*, Novyi Chronograf, Moscow, 462-483. (In Russian)

Nimyaev, E. A. (2022), "Digital religion study: A classification of religious online resources", *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta Imeni A. S. Pushkina. Pushkin Leningrad State University Journal*, (3), 220-229. (In Russian)

Nimyaev, E. A. (2023), "Locating religion in the digital communication system: "Space for the community" and digital religious surrogate", *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta Imeni A. S. Pushkina. – Pushkin Leningrad State University Journal*, (3), 171-183. (In Russian)

Ostrovskaya, E. A. (2019), "Is the mediatization of the Orthodoxy possible?" *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (5), 300-319. (In Russian)

Ostrovskaya, E. A. (2021), "Mission is Possible: Russian Orthodox Priest Blogs", *Concept:*

Philosophy, Religion, Culture, 5 (1), 44-59. (In Russian)

Yatsevich, O. E., Omelaenko, N. V., Tkacheva, N. A., Shabatura, L. N. and Iudashkina, V. V. (2023), "Pandemic and post-pandemic as the main factors affecting the social activity of young people", *Surgut State Pedagogical University Bulletin*, 5 (86), 119-127. (In Russian)

Mchedlova, M. M. (ed.) (2021), *Religiya v sovremennoy Rossii: sobytiya i diskursy pandemii* [Religion in Modern Russia: Events and Discourses of the Pandemic], RUDN, Moscow, Russia. (In Russian)

Smirnov, M. Yu. (2019), "Digitalisation as the "zeroing" of religions", *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta Imeni A. S. Pushkina. – Pushkin Leningrad State University Journal*, (3), 137-145. (In Russian)

Chernichkin, D. A. (2021), "Transformation of Religious Communication Under the Influence of the COVID-19 Pandemic", *Logos et Praxis*, 20 (2), 56-64. (In Russian)

Chesnova, E. N. (2023), "Religion online: New practices and phenomena", *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*, 4 (48), 68-82. (In Russian)

Shimanskaya, O. K. (2022), "Civil potential of religious organizations during the COVID-19 pandemic in 2020 (on the example of Orthodoxy)", *Transformatsiya Obshchestvennogo Sznaniya v Perekhodnyuyu Epokhu: Materialy Mezhdunarodnoy Nauchno-Prakticheskoy Konferentsii* [Transformation of Public Consciousness in a Transitional

Era: Materials of the International Scientific and Practical Conference], Nizhniy Novgorod, 51-56. (In Russian)

Possamai, A. (2018), *The I-zation of Society, Religion, and Neoliberal Post-Secularism*, Palgrave Macmillan, Singapore, 244.

Статья поступила в редакцию 21 февраля 2024 г. Поступила после доработки 29 февраля 2024 г. Принята к печати 10 марта 2024 г. Received 21 February 2024. Revised 29 February 2024. Accepted 10 March 2024.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Гузельбаева Гузель Яхиевна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, НИЛ Digital Media Lab, Казанский федеральный университет; доцент кафедры истории, философии и социологии, Казанский государственный медицинский университет, Казань, Россия.

Guzel Ya. Guzelbaeva, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at Digital Media Lab, Kazan Federal University; Associate Professor, Department of History, Philosophy and Sociology, Kazan State Medical University, Kazan, Russia.